

ИВАН ПОЛОЗКОВ

КТО ЖЕ ОН, ВЯЧЕСЛАВ КЛЫКОВ?

(К 80-летию могучего сына России)

*...Он как набат на храме стольном
Будил всех нас от блудных снов,
Почуяв в звоне колокольном
Силищу больше тысяч слов.*

И. Полозков. "Памяти Клыкова".

С той поры, как Вячеслав Клыков покинул этот мир, каждую третью субботу октября в Курске, а теперь и на Белгородчине, проходят *Клыковские чтения*. Сценарий их один и тот же. Напоминание о дне рождения великого гражданина России, тематическая выставка наиболее значимых его творений, три-четыре сообщения по избранной к данному дню теме из его многообразного художественного и общественно-политического наследия, демонстрация фильмов с участием именинника, а затем живые воспоминания о встречах с ним, стихотворения и песни, посвящённые ему, и рассказы о забавных случаях, которые почему-то всегда приключались там, где он появлялся. И, как повелось на Руси, поминальная трапеза с весёлыми тостами в духе именинника и благими пожеланиями нашему Отечеству, народу и всем присутствующим.

Оглядывая собравшихся, невольно задумываешься над тем, кто же на самом деле был Вячеслав Клыков, коли почтить память и прикоснуться к творчеству его из разных уголков не только России, но и многих славянских общин мира, иногда даже из далёкой Австралии, собирается такая разноликая публика? Какой внушительной личностью, каким огромным талантом надо было предьявить себя нашему взбалмошному времени, чтобы каждый возраст из любого социального слоя мог узреть в нём свою грань притягательности, согревающей душу и роднящей всех нас, казалось бы, таких разных и взъерошено неприимимых!?

Ответы на подобного рода сущностные вопросы в народе нашем, да и в русской классической литературе принято искать в природно-родовых истоках. И это верно. Все мы вышли из своего прошлого, дети какого-то конкретного уголка природы, породнённые временем, а потом уже "*продукты обстоятельств*". Но и в этом контексте Вячеслав Клыков представляется замечным и наиболее выдающимся созданием. Он родился и вырос в самом центре Среднерусской возвышенности, которая изобилует в тех местах неисчислимым множеством чистых родников и ключей, питающих многочисленные реки, растекающиеся из этих мест на все четыре стороны света. Мало таких уголков на земле. Поля с метровым русским чернозёмом, поименованным

аграрными корифеями “Царём почв”, крутые косогоры с уютными рощами, наполненными разнообразным растительным миром и всякой живностью, делают этот уголок Руси поистине живописным. Бисером рассыпанные вдоль извилистых лент рек и речушек белые незатейливые мазанки жилищ в густых яблоневых садах со знаменитой курской антоновкой, многочисленные стаи серых гусей и неповторимые трели курского соловья придают этому краю особый уют и одухотворённость.

Есть в этих местах и ещё одно уникальное свойство. Зовётся оно Курской магнитной аномалией. Компас отказывается здесь выполнять своё предназначение, так как под слоем могучего чернозёма совсем на малой глубине кроются несметные запасы богатой чистым железом руды, которой для всего индустриального мира хватит на многие века. Зима тут снежная и бодрящая. Сменяется она бурным и быстротечным половодьем, знойным и щедрым летом, переходящим в затяжную, дождливую до непролазности осень.

Все эти прелести природы извечно привлекали сюда людей со всех краёв света. В результате сложилась тут особая людская порода курян, заметно выделяющаяся не только среди финно-угров, кавказцев, но в среде всех своих ближайших сородичей, составивших коренную основу генезиса русского этноса. Лингвисты, например, утверждают, что курский говор явился основой современного русского языка. Археологи предьявляют изготвленные здесь изделия, которые радовали красавиц Арабского Востока и Византии за тысячи лет до нас. А самые древние наши письмена доносят, что “... мои куряне ратники бывалые, под трубами повиты, под шеломами всхолены, с конца копыя вскормлены, пути им ведомы...”. Открытость и доброта, трудолюбие и упорство сквозят в этих краях в большом и малом. Иначе здесь не выжить.

Не было, кажется, ни одного из неисчислимых вторжений в российские просторы полчищ инородцев, чтобы хоть одно из них миновало курские края. Но покорить курян никому не удавалось. Потому что сама жизнь здесь задаёт чрезмерно жёсткие природные и нравственные параметры, как и предельно высокую планку устремлений, которые побуждают людей собираться воедино, незримыми нитями скрепляться в устойчивую общность и заряжаться духом необоримости. Труд и честь тут мерило всему, так как земля здесь основа жизни. Она кормилица и благодетельница, радость и надежда. Других источников существования всего живого природа в этих местах не предусмотрела. А земля, как известно, существо жизнотворное и одухотворённое, отзывчивое благами своими только праведным и благочестивым в помыслах и в быту.

Род Клыковых в этих местах древний и узнаваемый. Судьба этого рода как нельзя лучше представляет непростую участь всего русского люда, многие века предопределяемую не его только желаниями и волей. Прадед Вячеслава Клыкова слыл в округе хозяином знатным и состоятельным. В самом начале века минувшего он, уверовав в основательность складывающейся русской действительности, существенно окрепшей при могучем царе Александре Третьем, вложился в землелашество. Затем за счёт брошенных “столыпинских отрубов” существенно прирастил свои угодья и всерьёз вознамерился на долгую трудовую поступь хлебороба. Но не тут-то было!

Губительные вихри буржуазно-либеральных устремлений не миновали не только крупные города доверчивой Руси, они и просквозили все её дальние деревеньки. Основательно зашатала они и округу, где укоренился род Клыковых. Уже к началу Первой мировой войны эта крепкая трудовая ячейка от всевозможных потрясений, поборов либеральных мытарей, ростовщиков и прочих мздоимцев и властолюбцев зашаталась. В русской истории этот период назван бурным “развитием капитализма в России”. Точнее было бы именовать то время тотальным нашествием на Россию вызревших на Западе своеобразных и не самых лучших социально-политических устоев, прорвавшихся в русский мир и учинивших в нём коренную ломку всего устоявшегося, напроць порушив не только наши добротные коллективистские ячейки общества, но и разбросав отцов и братьев по разные стороны баррикад, столкнув их между собою в кровавых бойнях и родовых неприятиях.

Родной дедушка Вячеслава Клыкова Константин, унаследовавший родовое имяне, пытался продолжить благородную крестьянскую долю. Однако вскоре его хозяйство было пушено в распыл. В накале всеохватной империалистической войны, а затем классовых столкновений фронту, белым и красным необходимы были продовольствие, тягловая сила, фураж и всё остальное.

А тогдашние шустики – приватизаторы и мародёры в кожанках с наганами наперевес, тоже были дюже очочи до чужого добра.

Кровный брат Константина Клыкова Семён веяниями грядущих перемен становится активным большевиком. Его избирают первым секретарём Старо-Оскольского уездного комитета коммунистов, куда входило и их родное село Мармыжи. Он активно организует экспроприацию и обобществление собственности покинувших эти места помещиков, а затем проводит сплошную коллективизацию трудовых крестьянских хозяйств. Семён зачисляет в кулаки даже родного брата Константина. Правда, без высылки с обжитых мест.

Их младший брат Иван Клыков, видя безудержную суматоху происходящего в родных местах, предпочёл удалиться в Киево-Печерскую обитель. То ли за усердие в замаливании грехов сбившихся с пути истинного, то ли за неусыпные проклятия всякого рода сатанистов, невесть откуда облепивших тогда русские пространства, а может быть, за повседневные прошения для всех грешников милости Всевышнего да реальной благодати земной для них, в конце жизни причислен был к лику святых.

На судьбу следующего поколения рода Клыковых те революционные перетряски наложили уже свою печать. Сын Семёна Клыкова Алексей стал известным в Курской губернии чекистом, многие годы возглавлял отделы ОГПУ и НКВД в Шебекинском (ныне Белгородская область) и Фатежском районах Курской области, руководил областным управлением КГБ. Его сын Октябрь Алексеевич, выпускник МГИМО, служил дипломатом, избирался первым секретарём Курского обкома ВЛКСМ и членом бюро обкома КПСС, многие годы трудился прокурором области и оставил о себе память убеждённого и страстного идеолога коммунизма.

Отец Вячеслава Михаил Константинович судьбою, начертанною сыну кулака, был отстранён от заметной общественной жизни и до конца своих дней неприятельно трудился бухгалтером на местной нефтебазе. Мать Вячеслава Лидия Тимофеевна бессменно заведовала сельским магазином и пользовалась уважением односельчан. Их старший сын Юрий стал крупным инженером и авторитетным коммунистом, выросшим по службе до одного из первых руководителей объединения «Харьковэнерго».

Таким образом, ещё совсем недавно крепкий типичный русский род землепашцев, которые в совокупности своей формировали сельские общины, составлявшие многие века основу Руси, истоки её могущества и благоденствия, как реки в тех местах, расплылся в разные стороны. Основательно добила эту уникальную русскую общность Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После огненных пожаров, погромов и зверств фашистских захватчиков в селе Мармыжи из более девяти сот крестьянских подворий, объединённых в набирающие силы колхозы, осталось менее двух сот. Каждый второй его житель, призванный на фронт, не вернулся. Военная разруха и голодное послевоенное лихолетье выдавили из села почти всю молодую поросль.

Окончательный удар по *«русскому общинному коммунизму»* злостно и целенаправленно нанесли ельцинисты. Они безвозвратно ликвидировали не только колхозы с их подлинным коллективистским укладом русской жизни, они варварски уничтожили крестьян как национальную общность, изгнав их с земли предков, превратив в бродячую наёмную рабочую силу, и, таким образом, похабно растоптали истоки русского социума, питающего народными соками его культуру, ликвидировали хранителей национальных традиций, убрав с исторической арены один из судьботворных политических классов... В бывшем огромном селе Мармыжи после ельцинского погрома колхозов осталось всего лишь три двора, где доживают свой век безродные ветераны. А на земле и в округе господствуют заезжие и в основном чужеродные латифундисты, от которых нынешние власти напрасно ждут какого-то благодеяния.

Вячеславу Клыкову с раннего детства предрешила своё назначение. Ещё не умея читать и писать, он лепил из глины бабочек, птичек, домашних животных и местных зверюшек. Затем на картоне от ящиков, которые мать ему приносила из магазина, набрасывал углём, мелом или карандашами портреты односельчан. Да так точно, что они часто заглядывали к нему домой посмотреть на себя и своих близких, умело отображённых шустрим дошкёлком. Но больше увлекала его всё же лепка.

На одной из встреч с молодыми курянами, ныне живущими в Москве и в Подмосковье, на вопрос, как он стал скульптором, Вячеслав Михайлович

ответил: “Глины в наших местах особые. Такие податливые, вязкие и, к тому же, разноцветные. Возьмёшь в руки комочек, помнёшь его, и само собою что-то получается. И люди в наших краях такие привлекательные и непременно со своею неповторимой изюминкой. Во взгляде, в улыбке, в стати... Так и хочется запечатлеть эту неповторимость...” Вот они, истоки художественного мастерства, ориентирующие природную одарённость точно улавливать особые черты у обычной, казалось бы, ничем не примечательной личности и вдохновенно возводить их в прекрасное, поднимая обычное до изящества.

После школы Вячеслав учится в курском техническом училище на газосварщика, а затем в строительном-монтажном техникуме. Там впервые он выставляет свои скульптурные работы, которые высоко оценили местные художники и настояли на продолжении его учёбы на художественно-графическом факультете Курского пединститута. По воспоминаниям однокурсников, скульптором-затворником он в те годы не значился. Круг его интересов был широк и разнообразен. Живо увлекался историей, особенно событиями своего века, серьёзно изучал теории русской религиозно-философской мысли. Стал чемпионом области по лыжным гонкам и мастером спорта по классической борьбе. Его привлекательные внешние данные, тонкий природный юмор и отзывчивый характер заметно выделяют его среди сверстников. В зачётной книжке, хранящейся поныне в Курском педагогическом университете, по всем дисциплинам у него пятёрки.

После представления нескольких его работ на выставке в институте им. В. И. Сурикова Вячеслава Клыкова приглашают на учёбу в Москву. Здесь его произведения “Торс” и “Мальчик с жеребёнком” были приобретены Министерством культуры СССР для Третьяковской галереи. Более высокой оценки для студента третьего курса быть не могло. В эти годы он много работает по реставрации православных храмов Москвы и Подмосковья, оформлению детских центров столицы, неоднократно участвует в студенческих выставках, где высоко отмечается дипломами и премиями. Уже тогда его уникальные дарования признаются в кругах скульптурного сообщества Москвы. Институт им. Сурикова Вячеслав закончил в 1968 году уже вполне состоявшимся ваятелем, который целиком и полностью погружён не только в созидание, но и в общественную жизнь. Каждая минута у него была заполнена определённым смыслом. Он ни разу не был на рыбалке или на охоте, не шлялся по тусовкам и пивнушкам с “шестидесятниками”, не ездил в туристические экскурсии и не отдыхал в санаториях.

На вышеупомянутой встрече с юными земляками, проходившей в апреле 2005 года, академика Академии художеств России Клыкова попросили назвать самое благоприятное для творчества время в его жизни. Ответ последовал незамедлительно: “Брежневский период. Страна отошла от военной разрухи и хрущёвских перетрясок. Активно оживали и отстраивались города и сёла. Творческие работники были востребованы везде. К тому же, обозначился поворот не только к традициям национальной культуры, но и сделан был заметный сдвиг навстречу православной вере, какой наша страна уже переживала в начале 1930-х годов, когда воинствующая идеология космополитов-либералов, обрядившихся в коммунисты, была подвинута на обочину жизни. При Хрущёве эта антирусская идеология попыталась взять реванш за поражение в сталинский период, а когда Хрущёва отстранили от власти, воскрешение русской национальной мысли повторилось на новой, более осмысленной основе. И это воодушевляло думающую художественную поросль из стана патриотов. Не верьте, что тогда сплошь существовали “железобетонные” ограничения на свободу творчества и свирепствовала непреодолимая цензура, сковывающая творческие порывы. В мои замыслы и способы их реализации никто не вмешивался. Я вставал с рассветом, часто работал сутками, не уходя из мастерской... Разговоры о цензуре, запретах ведутся потому, что заказы нам делали в основном государственные органы. Они же создавали нам условия для работы и хорошо оплачивали её. Не хочешь, не принимай заказ, если он тебе не интересен. Говорят об этом сегодня, как правило, злобные политиканы или невостребованные тогда бездарности. Чтобы заявить о себе, они лепили всякую безвкусицу и бессмыслицу, при этом заявляли, что люди наши не доросли до понимания их “творений”...”

Отвечал на острый и замусоленный злобными антисоветчиками вопрос Народный художник и Заслуженный деятель искусств Клыков искренне

и убеждённо. Нам, его сверстникам и свидетелям той поры, находившимся в зале, в ответе его виделось иное: верно подмечено мудрецами, что честность и порядочность — близнецы родовой одарённости и трудолюбия, из которых произрастают гении.

Как художник Вячеслав Клыков создал более двухсот крупных скульптурных композиций. Каждая из них несёт собою огромную смысловую и эстетическую нагрузку. Ни в одной из его работ не повторяются элементы предыдущей, кроме, пожалуй, одной весьма существенной для русского чувства детали. Во всех его произведениях непременно присутствует православный крест. У Георгия Жукова он в орденах царского времени, у Александра Невского в наконечнике копья, у некрещёного Святослава в ограде... Все его скульптуры документальны, в них каждая чёрточка проявляет свою специфическую пластику, свой масштаб и подчёркивает неотъемлемый элемент времени. Они зримо увековечивают особую значимость места, где водружены, воскрешают причастность их к героическим подвигам своего времени. Это не абстракции и не нагромождения каких-либо случайных, замысловатых конструкций, кои мы наблюдаем у современных ваятелей, навязывающих свою моду в творчестве. Памятники Клыкова — это национальные символы с известными всем именами, участвовавшими в конкретных исторических событиях и внёсшими заметный вклад в свою историческую эпоху.

Неповторимой особенностью творчества скульптора Клыкова является то, что создавал он произведения, казалось бы, сугубо избирательно, выборочно выхватывая из прошлого наиболее значимые имена. Памятник Святославу Храброму создан им уже в конце жизни. К слову будет сказано, дался он ему очень мучительно. Лидеры иудейской диаспоры современной России приложили немалые усилия, чтобы помешать увековечению памяти о «нашем Александре Македонском», как называли историки Святослава Игоревича, в прах разгромившего грабительский иудейский Хазарский каганат. Два раза после больших материальных, духовных и физических затрат он вынужден был менять места его установления. Не раз пришлось ему доказывать в судебно-следственных органах, что этим памятником он не извращает историческую правду и не провоцирует межнациональную напряжённость. Для многих помогавших тогда Клыкову то был наглядный урок твёрдости и воинственности в отстаивании правоты своего дела, как и его всесторонней образованности, вселяющей в творца не только творческий порыв, но и неукротимость воли в стремлении к истине. Значительно раньше Святослава Храброго был увековечен Владимир Святой. Николай Рубцов изготовлен задолго до Пушкина, а Георгий Жуков до Ильи Муромца... Но сейчас его произведения сами собою выстраиваются в стройный хронологический ряд, который последовательно воспроизводит основные, наиболее значимые исторические события и героические эпизоды нашего прошлого. Таким образом, автор воссоздал русскую историю в камне и в бронзе. Для скульпторов — это явление уникальное.

Георгий Победоносец, Святослав Храбрый, Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Константин Рокоссовский, Георгий Жуков представляют плеяду самых выдающихся защитников Отечества. Первозрешённая на Руси Ольга, Креститель Владимир, Николай Чудотворец, Сергей Радонежский, Серафим Саровский и иные кумиры русской духовности — это вторая не менее значимая ипостась истории. Кирилл и Мефодий, Константин Батюшков, Михаил Щепкин, Фёдор Достоевский, Надежда Плевицкая, Георгий Свиридов, Василий Шукшин... — ярчайшие творцы национальной культуры, без которых общая история блекнет. Некоторые из перечисленных выше вошли в наше прошлое и как государственники. И если в их ряд добавить памятники Николаю Второму, Петру Столыпину, адмиралу Колчаку, то выстраивается ещё одна грань нашей очень извилистой и противоречивой летописи.

И ещё об одной особенности произведений Клыкова. В совокупности своей они представляют не только художественное обозрение судьбы государства Российского, но и воспроизводят особую сущность и неповторимый колорит русского люда. Как и выражают подлинную суть самого автора, которую он проявлял открыто и смело, а отстаивал решительно и бескомпромиссно. На фоне нынешней фальсификации русской жизни, ополчения русской культуры и унижения русских народных символов творчество Клыкова — поистине величайший гражданский подвиг. Своими произведениями он образно и полно представил широкую панораму Русского мира, являющегося неотъемлемой

частью земной цивилизации, основу которого всегда составляли подвиги выдающихся людей, олицетворяющих нацию. Тем самым художник убедительно продемонстрировал не только свою высокую творческую зрелость и патриотическую целеустремлённость, но и показал, что большое искусство — не примитивное отражение банальных реальностей, а осмысленный и укрупнённый синтез наиболее значимых свершений нации, доведенный до общечеловеческого, планетарного масштаба.

Не станем лукавить: не все современники понимали и принимали Вячеслава. Даже в близком его окружении порой недоумевали, как может в просвещённом, хорошо разбирающемся в тонкостях мирового общественного прогресса человеке, живущем в согласии со временем, уместиться, например, приверженность монархизму? Не просто было понять общественника, деятельно пребывающего в сугубо материализованном миропредставлении и в то же время верующего в Бога. И уж совсем кажется невероятным, когда искренне православный на Всероссийском соборе в храме Христа Спасителя принародно вступает в спор Высшим церковным иерархом! Алексей Второй тогда изрёк, что “эта власть нам дана от Бога” (имея в виду избрание в 1996 году Ельцина). Вячеслав Михайлович в своём выступлении показал, как эта власть осознанно и целенаправленно разрушает страну, сдаёт её нашим извечным недругам, уничтожает свой народ, и уверенно возразил: “Нет, Ваше Преосвященство, эта власть не от Бога, эта власть от сатаны!”

Не менее категоричным он был в спорах с марксистами. Не отрицая неизбежность ликвидации либерально-буржуазного уклада жизни как исчадия зла и источника несправедливости, он верил, что на смену капитализма люди непременно создадут новое, более совершенное и достойное для своего времени социальное жизнеустройство, что система, в которой нам довелось жить, лишь начальный этап создания праведного мира, а трудности не в общих его пороках и закономерностях, а в примитивизме воплощения формул, навязанных догматиками-материалистами, пренебрегающими духовной сущностью природы и человека. В подтверждение Вячеслав Михайлович нередко цитировал В. В. Розанова: “Он (Маркс. — И. П.) был гениален экономически, но культурно глуп...” Новая цивилизация виделась Клыкову в социализме, обновлённом и неизбежно воссоединённом с верой. И здесь мы узнаём в нём влияние Константина Леонтьева, других русских религиозных мыслителей, как и духовное согласие с заметными партийными деятелями его времени. С Председателями правительств РСФСР и СССР В. И. Воротниковым и Н. И. Рыжковым у него были тёплые и плодотворные отношения. С Первым секретарём Калужского обкома КПСС Г. И. Улановым Вячеслав Михайлович многие годы поддерживал добрые связи, а после того как Геннадий Иванович в предместьях Оптиной пустыни организовал Всесоюзный семинар по творчеству К. Н. Леонтьева, их отношения переросли в крепкую дружбу. С Белгородским губернатором Е. С. Савченко до последних дней жизни его связывали чистые, братские и плодотворные отношения. Автору этих строк тоже довелось в продолжении двух десятилетий поддерживать постоянные связи и тесно сотрудничать с Вячеславом Клыковым, а напоминать нынешней молодёжи, что при создании КПРФ он один из первых из среды русской интеллигенции открыто предложил свою поддержку в становлении этой единственной в те годы патриотической силы, как и последней надежды нашего народа на лучшее, и вовсе более чем приятно.

Цель своего творчества и неукротимой гражданской позиции В. М. Клыков видел “в стремлении к истине”. Вячеслав Михайлович являл собою прекрасный образец современного русского интеллигента-новатора, своими мыслями и делами запускавшего в сознание людей обновлённую духовно-патриотическую волну. Это он более трех десятилетий назад не просто заговорил о необходимости воскрешения Русского мира, сплочения славян и защиты от посягательств на них извечных недругов, а начал действовать в этом направлении целеустремлённо и неудержимо. В публичных выступлениях он убедительно разоблачал нелепую теорию идеологов глобализации и наших доморощенных перестройщиков о строительстве “общечеловеческого дома”, где балом должен занять так называемый Западный мир, который наши либералы выдают за эталон. “Создание это искусственное, нелепое и бесперспективное уже потому, — подчёркивал Вячеслав Михайлович, — что, будучи просвещённым, а живёт без идей, без религии, не имеет своей государственности

и правительства, не имеет своего языка и своего искусства и всецело погружено в культ денег”. “Страна без здорового и крепкого национального организма, — напомнил он, — не имеет права навязывать свои ценности другим народам и поучать их праведной жизни”.

Представления о нации у него тоже были своеобразными: “...нация это не раса, не территория, не религия и даже не язык сами по себе. Это явление исторически сложившееся, вбирающее в себя общность святынь и единения вокруг них духа народа с приемлемыми ему правами и нормами поведения. Добровольное и искреннее принятие этих норм и правил, в том числе и определённых запретов, и есть подлинная свобода. Хочешь быть русским — принимай русскую культуру, не принимаешь — живи своим миром, довольствуйся своими представлениями, но не навязывай их русским, не порочь ничего общепринятого русского”. “Решительное пресечение всего чуждого не есть ущемление чьих-то прав, это не национализм и не расизм, а тем более не экстремизм, это безусловная реальность, наследственное право и святая обязанность любого уважающего себя народа беречь свой дом и традиции предков, защищать и держать себя в чистоте и святости”.

И ещё на одну немаловажную деталь не раз обращал внимание Вячеслав Клыков: “Национальность — это не вопрос происхождения, а вопрос поведения, не крови, а культуры. Полное принятие этих устоявшихся ценностей любым инородцем, в среде которых он оказался, органичное слияние его с этой средой, готовность разделить общую судьбу делают любого инородца и иноверца русским, китайцем, немцем... Не принимаешь всего этого — не претендуй ни на что особое, в том числе и на лидерство в обществе. Так было, так должно быть, если народ, открывающий двери для пришлых, хочет оставаться самим собою, не впасть в искушение и не кануть в вечность...”

Друзья его молодости вспоминали, что ещё в студенческие годы у Вячеслава Клыкова сложилось критическое отношение ко многому из того, что нами, с умыслом или бездумно, заимствовалось на Западе и неуклюже подгонялось под конъюнктуру просвещения или революционной ситуации. С годами его взоры всё пристальнее сосредотачивались на уникальной сущности нашего Отечества, на глубинах природно-родовых истоков наших национальных традиций, осмысливались силы, расшатывающие наше наследие. Он, например, никогда не верил тиражируемой и поныне байке о том, что “наши предки ильменские словене, кривичи, а с ними и чудь, весь и меря...” вдруг решили: “поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву”. Пошли к варягам и стали просить их: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами...” Чушь, и не более того. Причём очень маловероятная, явно придуманная кем-то из недоброжелателей. Норманскую теорию Вячеслав Клыков отрицал однозначно и бескомпромиссно.

Когда доводилось обсуждать с ним подобные исторические коллизии, он брал молча с книжной полки томик профессора Оттавского университета Сергея Лесного “Русь, откуда ты?” и зачитывал страницы, где бесстрастный историк утверждает обратное. И варяги были не скандинавами, и Рюрик с братьями были внуками великого славянского князя Гостомысла и по уложению того времени на престол они взошли “по порядку”, а не потому, что у ладожцев “не было порядка”. Приводил и другие доказательства того, что российская государственность была крепкой и могучей и во втором, и в пятом веке нашей эры. О чём знали наши предки из многих источников, забываемых или игнорируемых по чьему-то желанию ныне.

Вячеслав Михайлович при этом часто ссылался на труды Л. Н. Гумилёва, с которым он поддерживал связи в последние годы их жизни. Но чаще всего цитировал того же Сергея Лесного, обращая внимание на то место, где он утверждает, что редактор изданий Н. М. Карамзина Д. С. Лихачёв при переводе “Повести временных лет” “злонамеренно искажал смысл древней рукописи”. И медленно, с расстановкой читал, как преподносит нам этот эпизод автор “Повести временных лет” и как его передаёт “злонамеренный переводчик”. Всё с точностью до наоборот. “Таких примеров фальсификации русской истории масса, — подчёркивал Вячеслав Клыков. — Они приводили в негодование светлые умы от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского, ими возмущались Георгий Свиридов и Сергей Бондарчук...” Не мог быть равнодушен к этому и истинный патриот Клыков. По своему генетическому коду, по своим глубоким и разносторонним познаниям, по горячей любви к своему народу.

Поколение Вячеслава Клыкова по жизни оказалось в паутине противоречий. Росло оно в своей исконно национальной среде, а воспитывалось на чужеродной методологии познания мира. Европейская философия как основа познания, ставшая у нас официальной, как известно, под давлением ряда и объективных, и субъективных обстоятельств распалась на две школы: идеализма и материализма. И ту и другую, в силу недостаточного уровня познания глубин мироздания, обнажили и выхолостили так, что они стали непримиримыми и взаимоисключающими. В наших учебных заведениях основой познания стала материалистическая диалектика, в неоправданно догматизированном и воинствующем виде. Как вершина знания, как истина в последней инстанции. Духовность и вера оказались примитивизированы и отстранены на задворки реальности. В то же время церковь со своими догматами жила и действовала. И верующие оставались. Любопытные самородки в этих условиях с ещё большим устремлением обращали свои взоры за рамки жёстких и сомнительно категоричных идеологических установок. Тем более, что была возможность сверить свои сомнения с богатым наследием русской национальной мысли, которая по глубине своей и всеохватности не менее основательна, нежели предельно выхолощенное материалистическое миропредставление, привнесённое к нам от западноевропейских мыслителей.

Не случайно на основе русской философской мысли вызрела русская национальная Идея, многие десятилетия служившая надёжным скрепляющим стержнем многочисленных народов и конструктивно проявляющая себя до сих пор. И зародилась русская мысль, когда только что восходили на творческий олимп основоположники немецкой классической философии. А в некотором роде даже раньше. М. В. Ломоносов ушёл в мир иной за пять лет до рождения Гегеля. Н. М. Карамзин старше Шеллинга на девять лет, а Ф. М. Достоевский с Ф. Энгельсом почти одногодки... Резкое разграничение мировосприятия на идеальное и материальное оказало не лучшую услугу для духовно-нравственного настроя человеческих сообществ. Негатив до сих пор сбивает общественную мысль и народную практику во взаимоисключающие мировоззренческие постулаты, а вещизм и потребительство, воплощённые в “меновую стоймость”, т. е. в деньги и рынок, и вовсе *пленили Человека*, заглушив в нём всё живое, чувственное и благоразумное, безудержно сбивая его в деградацию.

Вячеслав Клыков был всесторонне образованным и глубоко мыслящим творцом. Он естественно выглядел своим и среди простых деревенских жителей, и глубоко верующих прихожан, и в казачьей среде, и в кругу партийных боссов и жил в полном согласии с прогрессом времени. Реальная очевидность мира и непосредственное знание были для него стимулом для повседневного совершенства и активной созидательной – как художественной, так и общественной деятельности. А “ещё непознанная галактика” Константина Леонтьева, “которая чем дальше отодвигается от непосредственных участников, тем яснее и чётче обрисовывает своё общее направление и план”, как и “Откровение” Иоанна, где: “. . . Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которой обитает правда. . . И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се творю всё новое. . .” – были сутью его идейного состояния.

Такую диалектику осознанно или подспудно исповедовали и ныне исповедуют многие высокообразованные и думающие русские люди, которых мы видим либо среди уже воцерквлённых, либо среди тихо сочувствующих церкви. Их мировосприятие внешне, кажется, базируется на идеализме, но на самом деле оно не противоречит реальному и всеохватному ходу жизни с её противоположностями и представляется не борьбой, а тождественностью, обращенной и к индивидууму, и к обществу, причём исключительно в сугубо положительном (идеальном) и рациональном (прогрессивном) смысле. В таком понимании представлялось и Клыкову сугубо эволюционное, последовательное и согласованное развитие мира.

В. М. Клыков иногда цитировал Иммануила Канта, который предрекал мирный политический союз народов, не поражённый бациллой насилия, грабежа, наживы. Весь вопрос художник видел в том, на какой основе быть этому объединению. Либо это будет диктатура пенкоснимателей из когорты нынешних финансовых мошенников-ростовщиков, которых Иисус Христос изгонял из храмов, либо мировое господство расистов из клана “богоизбранных” со звездой Давида. . . Либо чистая, свободная самоорганизация

трудового народов со своими справедливыми традициями и исторически сложившимися укладами жизни; её и желал Клыков для русского народа и всего славянства таковою, особой, исторически выстраданной системой самоорганизации и ради её утверждения призывал патриотов, как и всех славян, объединяться.

От общавшихся с Вячеславом Михайловичем не раз доводилось слышать, что понимание и трактовка им сути составляющих известную триаду русской национальной Идеи существенно отличаются от бытующих представлений. *Соборность* как явление сугубо русское (термин этот не переводится ни на один язык мира) в его понимании сердцевина Идеи, представляющая прежде всего образ мысли и образ жизни народа, отражающая его этнический архетип всеединства, согласованности и сплав помыслов, на котором уживаются противодействующие системы: абсолютного коллективизма и абсолютного индивидуализма, состоящие в тождестве и двигающие ход общественного развития по восходящей, разрешая насущные проблемы времени. И *Самодержавие* ему представлялось несколько по-иному, чем его трактует обыватель. В нём он видел вершину единения народа, крепкую, чистую, национально-державную власть, ограждённую от внешних воздействий народными полномочиями, законом и национальной совестью. Власть, народным правом ограждающую свою страну и своих сограждан от любых посягательств со стороны кого бы то ни было. Как искренне верующий он, естественно, во многом уповал на Бога, но его вера, как и некоторых русских религиозных мыслителей, не исключала «союз самодержавия с коммунизмом на основе христианских принципов православия». В своих убеждениях он был последователен и бескомпромиссен. И это делало ему честь, возвышало в глазах окружающих, в том числе тех, кто представлял наше мироустройство по-другому.

Автору этих строк доводилось доверительно спорить с Вячеславом Клыковым по многим проблемам нашего бытия и исторической практики. Нередко в принципиальных схватках возразить друг другу каждому из нас было нечего, так как аргументы, приводимые тем и другим, были не очень убедительны из-за недостатка познаний глубинных сущностей природных явлений и сути человека в частности. Что нам, например, сегодня известно о жизни каждого из нас после физической смерти организма? Законы физики о сохранении вещества и энергии и их взаимопревращений со времён М. В. Ломоносова углублены наукой до невероятности, а здесь от истины мы ещё очень далеки. Или исследователями доказано, что люди перед смертью видят одни и те же сны, а что это есть по сути, никто пока объяснить не может. А сколько таких загадочных таинств встречается каждому из нас? Вот и упирались мы нередко в спорах как бараны в новые ворота. Ему было проще — он убеждённо настаивал: «На всё Божья воля!» Мои материалистические послылы в неизведанное выглядели для присутствующих менее убедительными.

Наиболее частые встречи и наиболее острые дискуссии наши происходили в страшные девятые годы, когда совершенно чуждые нашему народу силы рушили, разворовывали и оскверняли всё подряд, даже самое непреходяще ценное и святое, а народ безмолвствовал. Отечество наше, люди наши без всяких на то оснований и причин были сдвинуты в пропасть. Не до теоретизирования было тогда очень многим честным и порядочным людям, когда сплошь свирепствовали вандализм и мародёрство, когда растаптывалась честь предков и пачкалась наша национальная совесть. Абсолютное большинство людей было пришиблено напором наглости, хамства, бесчеловечности либералов-рыночников. Православный патриот России и монархист Клыков почувствовал это удушающее нашествие раньше многих других. И действовать он начал один из первых активно, воинственно и наступательно всеми возможными для него средствами.

Как президент Международного фонда славянской письменности и культуры Клыков повёл активную работу по объединению славян для защиты их от нашествия либерально-рыночной чумы, несущей катастрофу всему человечеству. Видя варварские погромы в Югославии мирных, ни в чём не повинных сербов, бомбёжку американскими заправилами их православных храмов и древнейших памятников культуры, Вячеслав Михайлович первым из русских выехал туда, встретился с руководством страны и внёс свою лепту в организацию отпора современным вандалам. Немало он приложил усилий, чтобы поднять голос честных людей для защиты чести и жизни Слободана Милошевича.

К великому сожалению, тогдашние правители России предали своих братьев сербов, отдав их на растерзание натовским варварам.

В целях объединения усилий патриотов он учреждает газету “Русский Вестник”, журнал “Держава”, часто публикуется в “Нашем современнике”, в “Советской России”, в других честных и чистых патриотических изданиях, несущих людям разум и совесть. Много ездит по России и везде четко говорит о нашествии на нас инородцев, о необходимости сплочения всех патриотических сил, независимо от их политических убеждений, о преодолении в среде русского народа “теплохладности” и мелочной суетности.

До сих пор друзья его вспоминают такой забавный случай. В Краснодаре открывать поместный собор русского народа Вячеслав Михайлович пригласил пишущего эти строки. Более чем двухтысячная аудитория встретила нас с явным недоумением. Он мгновенно уловил настроение зала и, положив на моё плечо свою натруженную руку, нарочито громко спросил:

– Иван Кузьмич, вы русский?

Я, полагаясь на находчивость друга, ответил:

– Да, Вячеслав Михайлович, я русский!

– А вы крещёный? – ещё громче задал он второй вопрос.

– Конечно! – ответил я не ему, а залу. Он сделал паузу, она показалась мне слишком долгой, и ещё более внятно изрёк:

– Значит вы православный!

Зал дружно зааплодировал.

Меня в этот миг прострелил вопрос, как достойно выйти из такого пикантного положения на людях, которые знали меня как секретаря крайкома КПСС по идеологии, а затем и многолетнего первого руководителя более чем трёхсоттысячного отряда коммунистов края. И вдруг осенило. Я тоже обнял Клыкова и не менее громко спросил:

– Вячеслав Михайлович, вы русский?

В зале засмеялись. Он ответил:

– Конечно, мы же с вами земляки!

– А вы искренне православный верующий? – уже с напором задал ему я заведомо провокационный вопрос. Он, не задумываясь и с особым подъёмом ответил:

– Да, я убеждённо верующий в православие человек!

Я тоже намеренно затянул паузу и не ему, а залу громко бросил:

– Значит вы, Вячеслав Михайлович, настоящий коммунист!

Зал, к моему радостному удивлению, возликовал, многие встали и долго-долго аплодировали. Собор мы тот провели весьма успешно, а наши товарищи долго потом напоминали:

– *Вот оно ныне единственное средство спасения России!*

Вячеслав Клыков понял это значительно раньше и поэтому принимал активное участие во всех протестных акциях патриотов и шёл всегда рядом с Геннадием Зюгановым под красными знамёнами. Это Клыков вместе с Зюгановым явились соучредителями Народно-патриотического союза и Фронта национального спасения России. Это он, вместе с автором этих строк, создал Союз русского народа, выступил активным собирателем курян, живущих в Москве, и инициатором возрождения земляческого движения в столице. И везде выступал страстно и убедительно, гневно клеймя грабителей народного добра, разрушителей России, обидчиков русского народа и страстно призывал к сопровитвлению, напоминая людям о героических подвигах наших славных предков.

Душевное беспокойство, чувство глубинной тревоги и воинственная гражданская позиция для *гениев русской культуры* с давних-давних пор не новы. Когда над Отечеством нависала смертельная угроза, лучшие умы нашего народа обращались своим творчеством и авторитетом к сущностным и потаённым чувствам нации, пробуждая силы живущих, их разум и совесть для спасения Отчизны и чести своего народа. Вспомним Ломоносова и Державина, Пушкина и Некрасова, Достоевского и Глинку, Есенина и Шолохова, Твардовского и Симонова... Когда в 1941 году фашисты подступили к Москве, И. В. Сталин обратился к славным именам Александра Суворова, Михаила Кутузова, Павла Нахимова... То был шаг последовательного продолжения сдвига идеологии “русского коммунизма” навстречу национальным историческим символам и православной вере, обозначившегося ещё в начале 1930-х годов, когда был

“выправлен Энгельс”, отменены троцкистские постановления о священстве и богоборчестве, началось восстановление роли Церкви в обществе, стали возвращаться в литературу и искусство соответствующие образы и символы, появились ссылки на известных религиозных мыслителей и т. д. А в 1952 году статьёй П. Николаева (по утверждению Л. Ф. Ильичёва, это псевдоним Сталина) в газете “Правда” были расставлены взвешенные оценки роли иудаизма в разложении могучего Хазарского каганата и последующего за этим влияния его на жизнь России. Появились тогда другие публикации, ориентирующие общественность на беспристрастные оценки негативных фактов, возникавших у нас на межрелигиозной и межнациональной основе.

В восьмидесятые годы большие творцы настоящего искусства, узрев своим гениальным чутьём угрозу для СССР и русского народа, который являлся и является основным хранителем не только Отечества, но и почти двухсот малых разнородных этносов, немедленно отозвались своими лучшими произведениями, пробуждающими народное сознание и зовущими на решительный бой с современными грабителями и завоевателями, варварами и вандалами. Не лишним будет вспомнить сегодня в связи с этим произведения и поступки таких великих мастеров культуры, как Юрий Бондарев и Георгий Свиридов, Станислав Куняев и Илья Глазунов, Валентин Распутин и Валентин Чикин, Валерий Ганичев и Василий Белов... Вячеслав Клыков был рядом с ними.

Ещё в 1987 году, в самом начале злонамеренной перестройки, Клыков обращается к образу и подвигу самого почитаемого на Руси святого Сергия Радонежского. Многие помнят, с какими невероятными потугами и трудностями, вопреки вероломной воле наших продажных перерожденцев, прорвавшихся во власть, и армады буржуазно-либеральных наймитов с помощью единомышленников этот уникальный символ духовности был водружён. Затем были воскрешены им образ и дела Георгия Жукова, Александра Невского, Константина Рокоссовского, Святослава Храброго... и приложены титанические усилия по воссозданию Третьего ратного поля Руси под Прохоровкой, достойно символизирующего один из самых славных этапов героической победы над фашизмом. Всё это не только обращение к народной памяти, славной героике нашего народа, но и напоминание о его воле и необоримости, как и зов всех, кому дороги целостность страны, судьба своего народа и благополучие его будущих поколений.

Клыков не ставил под сомнение необходимость неуклонного роста благополучия каждой семьи и каждого члена нашего общества, и сам он всегда выглядел во всём модным и современным. Но он презрительно относился к тем, кто всё сводит к пресловутой экономике, кому затмила память и совесть нажива, кто всё меряет деньгам и роскошью. Всё овеществлённое, по его убеждению, необходимо человеку лишь для возвышения духовно-нравственного состояния и самосовершенствования, для свершения благих дел для своих ближних и общества, а потому вторично по отношению к человеческой чувственности, людской душевности, благой цели, всему тому, что отличает человека от остального мира животных.

Смыслом жизни Вячеслава Клыкова было “помочь русским отрешиться от “теплохладности”, “сделать решительный прорыв к правде”, “добиться единения славян и дружно противостоять инородцам и иноверцам, идейно и духовно теснящим их”, “покончить с делением русских на “наших и не наших”, “вывести Россию на предназначенное ей Богом место в мировом восхождении”. Все эти призывы он неустанно нёс в массы, страстно и убедительно, как может делать это верный сын Отечества, патриот пламенный, гражданин разумный, а борец мыслящий и неукротимый.

Вячеслав Михайлович прожил всего лишь шестьдесят восемь лет. С его уходом из земной жизни заметно потускнел небосвод русской культуры, наглядно поблекла палитра русской патриотической жизни, существенно ослабли правдивые ноты русского голоса. Но память о нём будет вечна, к творениям его будут тянуться новые и новые поколения, а страстные призывы его колокольным звоном будут пробуждать силы правды и справедливости, чистоты и света, добра и благоденствия, испокон веков присущие нашей неуязвимо национальной совести.